

УДК 343.98

DOI 10.17223/22253513/18/10

И.Г. Смирнова, О.А. Егерев

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА: РОЛЬ ВЕРСИИ В УСТАНОВЛЕНИИ ИСТИНЫ¹

Рассматривается в качестве метода познания расследуемого преступления мышление следователя в форме следственных версий, разработка и проверка следственных версий. Это представляет собой определенный процесс познания и доказывания обстоятельств дела на этапе предварительного расследования. Единственным способом достижения истины считают переход от вероятности к достоверности, и огромную роль в этом переходе играют вероятностные знания.

Ключевые слова: версия, истина, достоверность, вероятность, уголовный процесс.

Очевидно, что в юридической сфере (как правотворческой, так и научной правоприменительной) произошли кардинальные изменения: обновление и модернизация уголовно-процессуального законодательства, попытки обеспечить усиление роли судов, существенное изменение номенклатуры научных специальностей. Так, специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» преобразовалась в две самостоятельные специальности – 12.00.09 «Уголовный процесс» и 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность», что, к сожалению, нельзя признать способствующим проведению междисциплинарных научных исследований.

Вместе с тем, как справедливо отмечают ученые, взаимосвязь и единство криминалистики с уголовно-процессуальным правом являются бесспорными. Более того, особенно ярко такая связь проявляется в процессе доказывания, поскольку наибольшее практическое значение в криминалистике имеет научное обоснование перехода от познания материальных и идеальных следов в механизме преступной деятельности к уголовному преследованию и назначению виновным справедливого наказания либо к отказу от уголовного преследования невиновных, освобождению их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (обеспечение такого перехода и есть одна из функций криминалистики) [1. С. 363–366].

В свете вышеизложенного и необходимо, и целесообразно остановиться на значении истины в уголовном судопроизводстве. Вопрос далеко не праздный не только для российского законодателя и правоприменителя, но и для уголовно-процессуальной теории и практики иностранных государств. Как, в частности, отмечает профессор Хэйлунцзянского университета Юй Ишэн, в

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс – МД-2014) на 2014-2015 годы» (договор № 14.Z56.14.2691-МД).

китайской теории также существует два основополагающих взгляда на доказывание: целью доказывания является объективная либо юридическая истина [2]. Однако объективная истина в Уголовно-процессуальном праве КНР не сдает своих позиций в отличие от стратегического направления развития российского уголовно-процессуального законодательства. Однако, как представляется, в настоящее время отказ от установления истины по делу (не только юридической, но и объективной) может привести к существенному умалению уровня защищенности прав личности в сфере уголовного судопроизводства.

Итак, выяснение истины на стадии предварительного расследования, обеспечение соответствия всех установленных обстоятельств совершенного преступления объективной действительности, существовавшей в момент совершения преступления, – это сложный процесс, диалектически противоречивый путь от незнания к знанию, от знания мелких, частных факторов расследуемого преступления к познанию всех его сторон, к установлению лица, его совершившего.

Криминалистическая наука открыла целый ряд закономерностей процесса познания объективной истины в уголовном судопроизводстве; одновременно она выработала для нужд следственной практики эффективные научно-технические средства, тактические способы и методы познания расследуемого преступления. Одним из таких методов является мышление следователя в форме следственных версий, разработка и проверка следственных версий. Это определенный процесс познания и доказывания обстоятельств дела, образующих предмет доказывания на стадии предварительного расследования, состоящий из следующих элементов:

1) последовательное установление существования (или несуществования) отдельных следов расследуемого события;

2) составление, уточнение или дополнение на этой основе определенных выводов, предположений, которые бы реально объясняли определенные связи и обстоятельства;

3) последующая проверка этих выводов или предположений [3. С. 20–21].

Следственная версия представляет собой разновидность гипотезы, специфика которой обуславливается характером области исследования.

Так, А.А. Старченко считает, что гипотеза, как форма развития знаний, представляет собой обоснованное предположение, выдвигаемое в целях объяснения существования свойств и причин исследуемых явлений [4. С. 3].

Представляется, что, будучи предположением, версия сама по себе еще не содержит достоверного знания, она лишь выступает логическим средством формирования истины по делу.

В свою очередь, Г.Ф. Горский под гипотезой понимает сложный процесс мысли, состоящий в построении предположения о причинах наблюдаемых явлений и в доказательстве этого предположения [5. С. 124].

В логике термин «гипотеза» употребляется двояко:

1) для обозначения самого предположения о причинах наблюдаемых явлений;

2) для обозначения процесса мысли, ведущего к построению предположения о причинах наблюдаемых явлений [5. С. 124].

В доказывании нас больше всего интересует само предположение. Расследование и судебное разрешение уголовного дела включают исследование различных версий, т.е. вероятных объяснений фактов и данных. Следствие и суд идут от вероятности тех или иных фактов и данных, тщательно проверяя все возможные по обстоятельствам дела версии, к истине, к достоверности [6. С. 120].

Ведущий криминалист Чехии и Словакии профессор Ян Пешак убедительно доказывает, что версия и гипотеза – однозначные формы мышления – имеют одинаковую логическую и психологическую структуру [3. С. 116].

Следовательно, можно выделить признаки сходства следственной версии и гипотезы:

- 1) как следственная версия, так и гипотеза являются формами мыслительного процесса;
- 2) как следственная версия, так и гипотеза являются средством установления объективной истины, следственная версия является частным случаем гипотезы.

Но вместе с тем следственная версия имеет и ряд особенностей, позволяющих отличать ее от гипотезы:

1. Различие в объеме и глубине познаваемых обстоятельств. С помощью следственной версии устанавливается истина. Следовательно, с ее помощью устанавливаются лишь факты и обстоятельства, которые имеют уголовно-правовое значение для расследуемого дела. Объем обстоятельств дела определяется уголовным и уголовно-процессуальным законом. Поэтому предметом следственной версии являются не любые факты и обстоятельства, а лишь те, которые существенны для расследуемого дела и лишь в объеме пределов и предмета доказывания.

2. Следственная версия должна быть проверена в строго установленные процессуальные сроки (ст. 162, 223, 226⁶ УПК РФ). Подобное ограничение для гипотезы практически не встречается.

3. Способы проверки следственной версии и гипотезы являются также отличительным признаком. Это вытекает, прежде всего, из того, что истина в уголовном процессе устанавливается лишь специфическими средствами и в специфической форме. Следственные версии проверяются только посредством собирания судебных доказательств.

4. Между следственной версией и гипотезой имеется различие в субъектах, использующих эту форму мышления. Со следственными версиями работают дознаватель и следователь.

Из вышесказанного следственную версию можно определить как самостоятельное, специфическое криминалистическое средство, которым пользуется следователь (дознаватель) для познания и доказывания истинных обстоятельств дела на стадии предварительного расследования. Это средство заключается в построении и проверке следователем или дознавателем при строгом соблюдении уголовно-процессуального закона всех основанных на собранных материалах предположений о формах связи и причинах отдельных явлений расследуемого события или его в целом как реально возможных объяснений установленных к настоящему времени фактов, а также обстоятельств, связанных с данным событием, которые могут понадобиться для

проверки старых и поиска новых фактов. Тем самым вырабатывается направление расследования на определенном его этапе.

Мышление в форме следственных версий – это не только отражение фактических обстоятельств события, относящегося к прошлому, но и средство его познания. Следственная версия является средством познания на этапе расследования, поскольку выражает предварительную оценку собранных материалов и, таким образом, подсказывает, какие последствия необходимо установить, указывает направление дальнейшего планомерного расследования. Итак, следственная версия способствует поиску новых доказательств, на основе которых можно было бы сделать вывод о степени соответствия представлений следователя объективной действительности.

Требование безусловного установления объективной истины в полной мере относится также к определенному кругу действий, совершаемых дознавателем и следователем еще в процессе предварительного расследования.

Некоторые авторы полагают, что следователь или дознаватель может закончить расследование, а прокурор – направить обвинительный акт, обвинительное заключение или обвинительное постановление в суд даже тогда, когда была установлена лишь вероятность вины обвиняемого, поскольку эти органы решают вопрос не о вине, а лишь об обоснованности направления дела в суд¹. Из их взглядов вытекает, что требование о достижении истины имеет силу для предварительного расследования и прокурор может поддерживать обвинение без убеждения в виновности обвиняемого лишь на основе установления вероятности его вины (справедливости ради следует признать, что закрепленные в современном уголовно-процессуальном законодательстве упрощенные, ускоренные формы досудебного производства дают основания для исследователей так полагать).

Сторонники данной позиции отождествляют два разных вопроса: требование достижения истины и процессуальное значение этого требования. В действительности же требование установления истины имеет силу как для дознавателя, следователя и прокурора, так и для суда. Процессуальное значение установления истины различно в зависимости от того, в какой стадии уголовного процесса и кем была установлена эта истина.

Различие между истиной, устанавливаемой на этапе досудебного производства, в частности в стадии предварительного расследования, и истиной, устанавливаемой в суде, заключается не в степени ее доказанности, а в ее различном процессуальном значении: для органов расследования она является основанием для решения вопроса о возможности направления дела в суд, для суда – это основание для постановления приговора. Но ее установление – цель деятельности как органов расследования, так и суда (и это полностью отвечает назначению уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6 УПК РФ).

¹ См: Ривлин А.Н. Предмет допроса в советском уголовном процессе // Учен. зап. Харьков. юрид. ин-та. 1940. Вып. 11. С. 108; Чельцов М.А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М., 1947. С. 40 и др.

Прав И.Д. Перлов, который обоснованно отмечает, что не может существовать одна истина для следователя и прокурора, а другая – для суда [7. С. 27].

Дознаватель и следователь не имеют права закончить расследование и передать дело прокурору с предложением поддержать обвинение, а прокурор не вправе поддерживать обвинение, если недостаточно доказательств, подтверждающих причастность лица к совершению преступления и его виновность.

Следовательно, вопрос об истине не является исключительно уголовно-процессуальным вопросом. Он не относится лишь к деятельности суда, он касается также всех существенных сторон досудебной деятельности.

Дознаватель, следователь имеют все средства и предпосылки для успешного установления истины на стадии предварительного расследования. В поиске и обнаружении истины они вполне свободны, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, которое должно быть основано на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь при этом законом. Конечно, само по себе требование всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств дела не нашло своего должного законодательного закрепления. Однако без соблюдения указанных требований невозможны ни реализация назначения уголовного судопроизводства, ни соблюдение уголовно-процессуальной формы.

Одним из средств установления фактических обстоятельств дела является мышление дознавателя и следователя в форме следственных версий [3 С. 71]. Версии свидетельствуют о том, что достоверно нам неизвестно, они возникают вследствие недостаточности нашего знания на данной ступени юридически значимой познавательной деятельности. Но это не означает, что они чисто субъективны и не имеют никаких объективных основ. В определенном смысле версия также может соответствовать действительности, а следовательно, быть истинной или ложной. Степень вероятности выражает степень нашей убежденности в реальности существования факта или явления. Однако при любой степени вероятности не исключается возможность противоположного решения, а следовательно, вероятностное знание не может иметь доказательственное значение по делу. Поэтому, на наш взгляд, справедливо принципиальное высказывание М.С. Строговича о том, что достоверность исключает возможность всякого иного решения, вероятность же допускает возможность иного решения [8. С. 89]. Даже то положение, что вероятное суждение может быть истинным, ничего не меняет, поскольку следователь и суд должны не предположить истину, не угадать ее, а установить, доказать [9. С. 205–206].

Следственные версии могут быть истинными, но об этом мы узнаем лишь после того, как они доказаны, т.е. ретроспективно. Недоказанная версия не истина, а лишь предположение. После того, как версия доказана, она перестает быть версией и становится истиной [10. С. 19].

Нам представляется, что о версии нужно говорить как о форме выражения вероятностных знаний. Содержание версии есть предположение субъекта доказывания об интересующих его обстоятельствах дела. Это предположение

действительно может подтвердиться в результате расследования, а может и отпасть, как несостоятельное, не соответствующее полученным доказательствам. В том случае, когда следователь или дознаватель с самого начала расследования отдает предпочтение какой-либо одной версии, поиск доказательств идет в направлении подтверждения избранной версии, такая ошибка не редкость. Позже субъект доказывания может осознать тщетность своей работы в избранном направлении, но время и возможности для компенсации работы над неисследованными областями предположений, как правило, уже утеряны. Поэтому крайне опасна убежденность в истинности версии, пока не исчерпаны все возможности следствия по всестороннему, полному и объективному расследованию. Еще Г. Гросс писал: «Никогда не нужно увлекаться одной предвзятой идеей. Нужно твердо держаться этого весьма важного основного правила» [11. С. 21].

Следует отметить, что в уголовном процессе суд хотя и обладает полномочиями по проведению судебных действий, однако неактивен в собирании доказательств, его основная задача – это их оценка, исследование. Суд проверяет соответствие предоставленных доказательств требованиям допустимости. Версии, выдвигаемые судом в ходе судебного рассмотрения дела, функционально носят проверочный характер. Суд может провести по собственной инициативе ряд действий: вызвать и допросить новых свидетелей или назначить судебную экспертизу при необходимости проверки доказательств.

Следственные же версии являются средством познания объективной истины. Одновременно они являются формой отражения собранного на данный момент фактического материала в сознании следователя или дознавателя. Это означает, что источником обоснования следственной версии является объективный мир, конкретные следы, оставленные в сознании людей и на предметах. Это отражение в форме следственной версии имеет как объективное содержание – объективно установленные факты, лежащие в ее основе, так и момент заблуждения.

Дальнейшее собирание фактического материала ведет к расширению объективной основы, вследствие чего или одна следственная версия заменяется другой, или проводится уточнение, дополнение уже построенной следственной версии, и так до самого окончания процесса познания расследуемого факта.

Таким образом, первоначально вопрос о соответствии истине какой-либо версии получает свой адекватный ответ лишь при постановлении приговора. На стадии предварительного расследования, вплоть до составления обвинительного заключения, акта или постановления, выдвинутые версии много раз преобразовываются, конкретизируются, синтезируются, пока следователь или дознаватель не приходит к выводу об установлении всех значимых для дела обстоятельств. Составляя итоговый процессуальный документ, следователь или дознаватель, по сути, формулирует версию, которая, по его мнению, достоверно подтверждается собранными по делу доказательствами. При рассмотрении дела в суде сторона обвинения, как правило, поддерживает эту версию. Сторона защиты, напротив, может ходатайствовать перед судом об исследовании обстоятельств дела по иным версиям, если следствием они недостаточно проверены.

Прав был М.С. Строгович, говоря, что разница между вероятностью и достоверностью не количественная, а качественная, достоверность ни в коем случае нельзя рассматривать как высокую степень вероятности. Как бы ни была высока вероятность какого-либо факта (например, виновность обвиняемого), пока это вероятность, всегда имеется вероятность обратного (т.е. невиновности); самая высокая степень вероятности оставляет возможность иного решения дела [12. С. 328].

Имеется мнение о том, что накопление доказательств должно обязательно строиться по определенной схеме: доказательства должны не просто суммироваться, а накапливаться и умножаться, полученные знания всегда должны находиться в определенной системе: «переход от вероятности к достоверности в доказывании возможен только благодаря фактору системности, т.е. наличию связей между компонентами системы – доказательствами и промежуточными фактами. При этом важное (если не решающее) значение имеет то обстоятельство, что каждое доказательство и каждый промежуточный факт связаны друг с другом и с предметом доказывания одновременно несколькими формами связей. Одна система связей (например, причинных, а тем более – временных, пространственных и т.д.) обычно не дает оснований для достоверного вывода. Это возможно лишь при наличии нескольких различных систем связей, «наложенных» друг на друга» [13. С. 84].

Теории доказательств известны две логические концепции перехода вероятного знания в достоверное: путем дискретного превращения «вероятности» в «достоверность» в результате опровержения всех «конкурирующих» версий и путем постепенного снижения уровня «вероятности» и ее приближения к «достоверности» по мере накопления аргументов (доказательств) [14. С. 5].

Следственная версия является средством познания истины, поскольку становится одним из возможных объяснений собранного материала, который имеет или может иметь отношение к расследуемому делу. Это требование имеет также свой конкретный практический смысл: надо строить не какие угодно следственные версии, а лишь следственные версии, которые вытекают из собранного материала, лишь обоснованные, реально возможные следственные версии.

Перечень выдвинутых версий должен быть исчерпывающим, т.е. необходимо «строить» все без исключения возможные версии. Но практически невозможно проверить и опровергнуть все теоретически мыслимые версии (например, доказать непричастность всех жителей города и приезжих, находившихся в нем в день убийства). Такая возможность бывает лишь в тех случаях, когда круг лиц, возможно причастных к преступлению, заведомо ограничен. И даже если по делу имеется возможность выдвижения и проверки всех мыслимых версий, то всё равно единственная оставшаяся из них нуждается в позитивном обосновании, а это возможно только по правилам неформальной логики. Выдвинуть можно, бесспорно, множество версий о возможных лицах, совершивших преступление, но детально проверить и опровергнуть каждую из них весьма проблематично. Кроме того, нет гарантии того, что ряд выдвинутых версий является исчерпывающим.

В отношении каждого неясного или сомнительного обстоятельства, исследуемого по делу, должны быть выдвинуты и проверены все возможные в данный момент версии, каждая из которых должна быть достаточно обоснованной и тщательно проверенной. Осуществляемая в ходе расследования проверка логически выводимых из выдвинутых предположений следствий (фактов, явлений, закономерностей) направлена на то, чтобы установить, существуют ли они в реальной действительности. Конечная цель проверки версий – установить, какая из них выражает объективную истину и какие несостоятельны [15. С. 149].

В ходе расследования путем проверки установленных фактов и обстоятельств, путем постепенного собирания доказательств одни версии отпадают, а степень вероятности других повышается. Этот процесс количественных изменений происходит до тех пор, пока не приведет к качественным изменениям нашего знания об исследуемом событии, пока вероятное знание не заменится достоверным.

Роль, место и соотношение двух концепций трансформации вероятности и достоверности могут быть различными на отдельных этапах уголовного судопроизводства. В процессе предварительного расследования уголовного дела в качестве основной следователем или дознавателем используется вероятностная схема доказывания. Метод же исключения конкурирующих версий реализуется в качестве вспомогательного. Метод исключения версий помогает, как правило, найти ту из них, которая правильно отражает расследуемые события и впоследствии должна быть доказана по вероятностной схеме в суде.

В любом случае, несмотря на расхождение по данному вопросу, ученые в большинстве своем единственным способом достижения истины считают переход от вероятности к достоверности, и огромную роль в этом переходе играют вероятностные знания.

Литература

1. Смахтин Е.В., Смирнова И.Г. Обеспечение защиты прав потерпевшего уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами при реализации назначения уголовного судопроизводства // Криминологический журнал Байк. гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 359–369.
2. Ишэн Ю. Юридическая истина в определении сущности предмета доказывания // Lex russica. 2014. № 1. С. 58–66.
3. Пещак Я. Следственные версии. Криминалистическое исследование / под ред. А.Р. Ратинова: пер. со словацкого д.ю.н. А. М. Ларина. М.: Прогресс, 1976. 228 с.
4. Старченко А.А. Гипотеза. М.: Госюриздат, 1962. 72 с.
5. Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 303 с.
6. Проблемы судебной этики / под ред. М.С. Строговича. М.: Наука, 1974. 272 с.
7. Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1963. 227 с.
8. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.
9. Белкин Р.С. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юрид. лит., 1969. 216 с.
10. Петрухин И.Л. Истина, достоверность и вероятность в суде // Юрид. мир. 2003. № 8. С. 17–25.

11. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛекЭст, 2002. 1088 с.
12. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 472 с.
13. Хмыров А. А. Проблемы теории доказывания: учеб. пособие. Краснодар, 1996. 154 с.
14. Овсянников И. Логика доказывания в уголовном процессе // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 5–6.
15. Ивашина В.М. Роль следственной версии в установлении истины в уголовном судопроизводстве // Вестн. Саратов. гос. академии права. 2011. № 1. С. 148–152.

Smirnova Irina G. The Baikal state University of Economics and law (Irkutsk, Russian Federation)

Egereva Olesya A. The Baikal state University of Economics and law (Irkutsk, Russian Federation)

CRIMINAL LEGAL PROCEEDING AND CRIMINALISTICS: THE ROLE OF THE VERSION IN THE ESTABLISHMENT OF THE TRUTH

Key words: version, truth, reliability, probability.

The interrelation and unity of criminalistics and criminal procedure right is indisputable. Such communication is the most obvious during the proof. The reason of it is scientific justification of transition from knowledge of material and ideal traces of the mechanism of criminal activity to criminal prosecution and appointment guilty fair punishment or to refusal of criminal prosecution innocent, to release them from punishment, rehabilitation of everyone who unreasonably underwent criminal prosecution. One of the functions of criminalistics is ensuring such transition, which has the greatest practical value.

At present time, refusal of establishment of truth on criminal case can lead to essential derogation of level of security of the personality's rights in the sphere of criminal legal proceedings.

Obviously, it's a difficult process of clarification of truth on during the preliminary investigation, ensuring compliance of all established circumstances of the committed crime of the objective reality existing at the time of the crime's commission. More over, it's a way from ignorance to knowledge, from knowledge of small, private factors of the investigated crime to knowledge of all its parties, to establishment of the person, it made.

The investigator's thinking in the form of investigative versions, development and verification of investigative versions is one of methods of knowledge of an objective truth of criminal legal proceedings.

The investigative version is a truth learning tool as is one of possible explanations of collected material which has or can be related to the investigated case. This requirement makes also the concrete practical sense: it is necessary to build not any investigative versions, and only investigative versions, which follow from collected material, only reasonable, really possible investigative versions.

During the investigation by check of established facts and circumstances, by gradual collecting of proofs one versions disappear, and degree of probability of others raises. This process of quantitative changes happens until leads to high-quality changes of our knowledge of the studied event until the probable knowledge is replaced with the reliable knowledge.

Anyway, the only way of achievement of truth is considered transition from probability to reliability, and in this transition play probabilistic knowledge huge role.

References

1. Smakhtin, E.V. & Smirnova, I.G. (2015) Protection of the rights of the victim as a purpose of criminal legal proceedings by criminal procedure and criminalistic mean. *Kriminologicheskiiy zhurnal Bayk. gos. un-ta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 9(2). pp. 359-369. (In Russian).
2. Isheng, Yu. (2014) Yuridicheskaya istina v opredelenii sushchnosti predmeta dokazyvaniya [Legal truth for the subject of proof]. *Lex russica*. 1. pp. 58-66.
3. Peshchak, Ya. (1976) *Sledstvennyye versii. Kriminalisticheskoe issledovanie* [Investigative leads. Forensic investigation]. Translated from Slovak by A. M. Larin. Moscow: Progress.
4. Starchenko, A.A. (1962) *Gipoteza* [Hypothesis]. Moscow: Gosyurizdat.
5. Gorskiy, G.F. (1978) *Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Problems of evidence in the Soviet criminal trial]. Voronezh: Voronezh State University.

6. Strogovich, M.S. (1974) *Problemy sudebnoy etiki* [Problems of Judicial Ethics]. Moscow: Nauka.
7. Perlov, I.D. (1963) *Ispolnenie prigovora v sovetskom ugovnom protsesse* [Enforcement of the sentence in the Soviet criminal trial]. Moscow: Yurid. lit.
8. Strogovich, M.S. (1955) *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovnom protsesse* [Material truth and forensic evidence in the Soviet criminal trial]. Moscow: USSR AS.
9. Belkin, R.S. (1969) *Kriminalistika i dokazyvanie (metodologicheskie problemy)* [Forensics and proof (methodological issues)]. Moscow: Yurid. lit.
10. Petrukhin, I.L. (2003) Istina, dostovernost' i veroyatnost' v sude [Truth, validity and credibility in court]. *Yuridicheskiy mir*. 8. pp. 17-25.
11. Gross, G. (2002) *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki* [The guide for forensic investigators as a system of criminalistics]. Moscow: LekEst.
12. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa: v 2 t.* [The Soviet criminal process. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
13. Khmyrov, A.A. (1996) *Problemy teorii dokazyvaniya* [The theory of proof]. Krasnodar.
14. Ovsyannikov, I. (1998) Logika dokazyvaniya v ugovnom protsesse [Logic of proof in a criminal trial]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 9. pp. 5-6.
15. Ivashina, V.M. (2011) Rol' sledstvennoy versii v ustanovlenii istiny v ugovnom sudoproizvodstve [The role of the investigative leads in establishing the truth in the criminal procedure]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*. 1. pp. 148-152.